

Р.Е. Романов*

**МНОГОЛИКИЕ «БОЙЦЫ ТЫЛА»:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА
РАБОЧИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2022-6-7
УДК 94(47+571).084.8

Выходные данные для цитирования:
Романов Р.Е. Многоликие «бойцы тыла»: социокультурные типы мотивации труда рабочих в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 98–109. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-07.pdf>

R.E. Romanov*

**THE MANY-FACED FIGHTERS OF THE REAR:
SOCIO-CULTURAL TYPES OF MOTIVATION
OF WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-7

How to cite:
Romanov R.E. *The Many-Faced Fighters of the Rear: Socio-Cultural Types of Motivation of Workers during the Great Patriotic War* // *Historical Courier*, 2022, No. 6 (26), pp. 98–109. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-07.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the identification of the socio-cultural diversity of the fighters of the rear by analyzing the processes of formation of five types of motivation for the work of workers of the Siberian defense industry during the Great Patriotic War. The purpose of the research is realized with the help of the author's concept, within which the analysis of "end-to-end" social and labor cases of world history, used by the Bolsheviks as atypical elements for the construction of the Red Project, is carried out. It is established that in order to consolidate the working personnel in the military industry, the Soviet state introduced both repressive and socio-consumer attitudes to employment in production into new factory collectives, consisting mainly of women and youth with peasant roots. These attitudes were laid in the minds of the personnel of the defense enterprises of Siberia through criminal penalties for official misconduct and the social security system. It is shown that the task of increasing labor productivity was solved by cultivating quasi-monetary, vital and heroic motivation among the defense workers of the region to exceed production standards. These guidelines were formed by them due to an increase in the nominal salary, additional supplies of Stakhanovites and drummers, and the widespread use of moral incentives. It is concluded that in 1941–1945, workers of the leading branches of the military economy acted as carriers of moral imperatives of labor behavior rooted in the archetype, tradition and modernity. The key mental specificity of the fighters of the rear, who became the main personification of the many-faced Sovietism during the period under review, was due to an increased tilt within the Red Project towards both negative (fear of repression) and positive (the desire for survival and glory) archaic, interacting with industrial modernity.

Keywords: Great Patriotic War, Second World Warworkers, socio-cultural types of labor motivation, social and labor cases, home front fighters.

The article has been received by the editor on 30.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Роман Евгенийевич Романов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: rromanov1981@mail.ru
Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: rromanov1981@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению социокультурной многоликости «бойцов тыла» посредством анализа процессов формирования пяти типов мотивации труда рабочих сибирской оборонки в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования реализуется с помощью авторской концепции, в рамках которой осуществляется анализ «сквозных» социально-трудовых кейсов мировой истории, использованных большевиками в качестве нетиповых элементов для конструирования советского проекта. Установлено, что для закрепления рабочих кадров в военпроме советское государство внедряло в новые заводские коллективы, состоявшие в основном из женщин и молодежи с крестьянскими корнями, как репрессивные, так и социально-потребительские установки к занятости на производстве. Эти установки закладывались в сознании персонала оборонных предприятий Сибири посредством уголовных наказаний за служебные проступки и системы социального обеспечения. Показано, что задача повышения производительности труда решалась путем культивирования среди оборонщиков региона квазимонетарной, витальной и героической мотивации к перевыполнению норм выработки. Данные ориентиры формировались у них за счет увеличения номинального размера зарплаты, дополнительного снабжения стахановцев и ударников, широкого применения моральных стимулов. Сделан вывод о том, что в 1941–1945 гг. работники ведущих отраслей военной экономики выступали носителями моральных императивов трудового поведения, укорененных в архетипе, традиции и модерне. Социокультурная специфика бойцов тыла, ставших в рассматриваемый период главным олицетворением многоликой советскости, обуславливалась тенденциями к усилению внутренней архаичности советского человека, взаимодействовавшими с инструментальными элементами индустриальной модернизации (монетарные и социальные стимулы).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, рабочие, социокультурные типы мотивации труда, социально-трудовые кейсы, бойцы тыла.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022 г.

Вводные положения. СССР воплотил в жизнь Советский проект, идеалом которого являлось дальнейшее развитие революционно-прогрессивной линии Просвещения в условиях кризиса европейской цивилизации. Отстаивая общество модерна, надломленное Первой мировой войной, большевики попытались укрепить его элементами, заимствованными из более ранних эпох. Ядром нового мироустроительного проекта выступала идея сознательного труда, освобожденного от эксплуатации. В реальности же сложилась система социально-трудовых отношений, создавшая советского индустриального человека как носителя неоднородных мотивационных установок. Эти установки порождали социокультурную многоликость рассматриваемого феномена, наиболее интенсивно раскрывшего свой внутренний потенциал в период Великой Отечественной войны.

Исследования по данной проблематике получили активное развитие в отечественной исторической науке. До 1991 г. историки объясняли производственный энтузиазм рабочих в военное время политико-воспитательной деятельностью Коммунистической партии¹. В 1990-е гг. исследователи считали основным рычагом трудовой мобилизации населения СССР репрессивную политику сталинского государства². В начале XXI в. одни авторы продолжили изучать эту политику в контексте развития оборонно-промышленного производства в тыловых районах страны³. Другие ученые акцентировали внимание на «повороте к принуждению», который стал ключевым способом формирования трудовой мотивации накануне и в

¹ См.: Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.

² Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Оборонки: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

³ Панков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; Панков С.А. Судебно-карательная система СССР в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 12-2. С. 178–188.

годы войны⁴. Третьи исследователи обратили внимание на особенности советской ментальности, послужившие источником патриотического подвига народа в тылу⁵. В целом новейшая историография интерпретирует мотивационные установки работников тыла в качестве продукта государственной политики или народной психологии. Однако вопрос о наиболее глубоких культурно-психологических истоках отношения к труду остается открытым.

Методологической базой исследования является авторская концепция социокультурных типов трудовой мотивации рабочих в 1941–1945 гг. (табл. 1). Данный концепт представляет дальнейшее развитие теории Ч. и К. Тилли о триаде мотивационных факторов – вознаграждения, побуждения и принуждения⁶. Эти факторы коренились в культурно-исторических «слоях», сгенерировавших в разное время различные социально-трудовые кейсы. Каждый кейс представлен ценностным императивом, который обуславливает то или иное нормативное отношение к труду, релевантное конкретным мерам по закреплению кадров или повышению выработки. Большевики использовали социально-трудовые кейсы для конструирования Советского проекта. В годы Великой Отечественной войны указанные компоненты исторического процесса стали средствами мобилизации людского потенциала СССР. Целью исследования является выявление социокультурной многоликости упомянутого потенциала посредством анализа тенденций формирования пяти типов мотивации труда рабочих сибирской «оборонки», созданной в основном на базе эвакуированных предприятий в конце 1941 и 1942 гг.

Таблица

Социокультурные типы трудовой мотивации рабочих СССР в 1941–1945 гг.

Фактор трудовой мотивации	Культурно-исторический «слой»	Социокультурный тип трудовой мотивации (кейс)	Императив	Стимул к труду
Закрепление кадров на производстве				
Принуждение	Традиция / Ранний модерн (доиндустриальный)	Репрессивный	Безопасность	Уголовные наказания
Вознаграждение	Модерн (индустриальный)	Социально-потребительский	Качество жизни	Социальное обеспечение
Повышение производительности труда				
Вознаграждение	Модерн (индустриальный)	Монетарный	Материальный достаток	Система оплаты труда
	Традиция	Витальный	Выживание	Нормированное снабжение
Побуждение	Архетип	Героический	Слава	Пропаганда

Социокультурные типы мотивации труда в сибирском военпроме. В военное время одной из новых сфер приложения социально-трудовых кейсов в советском обществе стала оборонная промышленность. Необходимость закрепления кадров и повышения выработки способствовала созданию, в том числе в региональном сибирском военпроме, системы стимулов, побуждающих рабочих к трудовой деятельности на основе их заинтересованности в безопасности, качестве жизни, материальном достатке, выживании и славе (см. табл. 1).

⁴ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99.

⁵ Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015.

⁶ Tilly Ch., Tilly K. Work under capitalism. Oxford, 1998.

Степень восприимчивости заводского персонала к этим мотиваторам прежде всего зависела от состава производственных коллективов, скомплектованных в тыловых районах СССР.

Сибирский военпром: производственная и кадровая динамика. Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. в условиях эвакуации число военных заводов Сибири выросло с 8 до 77⁷. В регионе получили развитие авиастроение, танкостроение, судостроение, промышленность вооружения, минометного вооружения, боеприпасов, электропромышленность. В оборонных отраслях динамично росла численность персонала. В начале 1941 г. в авиационной и боеприпасной индустрии были заняты 18,5 тыс. чел., в начале 1945 г. – 98,8 тыс.⁸ Этот кадровый потенциал комплектовался из эвакуантов, домохозяек, колхозников, школьников, студентов, воспитанников детдомов и колоний, депортантов и заключенных. Более половины «оборонщиков» составляли женщины и молодежь крестьянского происхождения, занимавшие в заводских коллективах маргинальное положение. Данные обстоятельства, наряду с чрезвычайной повседневностью сибирского тыла, несомненно, влияли на рамочные «форматы» ценностного отношения мобилизованных рабочих к труду. Совокупность их трудовых мотивов обуславливала неоднородность социокультурного облика тружеников военпрома.

Закрепление кадров в военпроме: репрессивная мотивация. Указанный кейс сложился под воздействием репрессии как изначальной стратегии социального контроля в традиционном или переходном обществе. До конца XIX в. в Западной Европе система принуждения базировалась на уголовном наказании за самовольный уход с места работы до истечения срочного трудового контракта. В Российской империи до 1861 г. схожие тенденции развивались в условиях крепостного права. В конце XIX – начале XX в. на Западе и в России работодатели сместили акцент с судебной-репрессивных на административные санкции. В это время на отечественных предприятиях наиболее широко практиковались штрафы за брак, прогулы и нарушения внутреннего распорядка. Лишение свободы применялось лишь к организаторам и активистам стачек⁹. После революции 1917 г. борьба за трудовую дисциплину осуществлялась товарищескими и народными судами соответственно с помощью административных мер (от выговора до увольнения), исправительно-трудовых работ и штрафов. Накануне Великой Отечественной войны в советской промышленности была создана система принуждения к исполнению бессрочного договора о найме. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., прогулы наказывались ИТР и штрафами до 25 % от зарплаты, самовольные уходы с предприятия – заключением в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев¹⁰. К началу 1941 г. в оборонной индустрии число служебных проступков сократилось в несколько раз¹¹, что позволяет судить о выработке у ее персонала репрессивных установок, основанных на стремлении к безопасности.

В первые месяцы войны государство попыталось усилить процесс насаждения «дисциплины страха» в сознании рабочего класса. По Указу ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. труженики оборонки были объявлены мобилизованными и подсудными военным трибуналам. Переквалификация самовольного ухода с предприятия в дезертирство привела к увеличению срока лишения свободы за трудовые преступления до 5–8 лет¹². Из-за долгого оформления уголовных дел, низкого процента задержания дезертиров, высокой доли заочных приговоров карательная машина работала неэффективно. В январе-июне 1942 г. из новосибирского воен-

⁷ Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 54.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 16; Д. 1425. Л. 3, 4; Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2827. Л.64, 65; Д. 2940. Л. 22, 41.

⁹ Фабричный закон 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33970> (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁰ Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 01.09.2022).

¹¹ РГАЭ. Ф. 7516. Д. 1290. Л. 5.

¹² Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 01.09.2022).

прома сбежало 2 880 человек, в июле-октябре 1942 г. – 5 396 человек¹³. В конце 1942 г. председатель трибунала СибВО Кокоулин констатировал, что многие трудмобилизованные граждане «бросают работу <...>, зачастую не осознавая последствий своего поступка»¹⁴. То есть промышленность получила новых рабочих, не обладавших репрессивной мотивацией к закреплению на предприятиях.

Для преодоления социально-трудового кризиса в октябре 1942 г. СНК СССР сократил пайки хлеба прогульщиков на 100–200 г¹⁵. С 1943 г. на оборонных предприятиях периодически проводились мероприятия с разъяснением законов о труде и показательные суды над дезертирами. Данные меры породили среди работников тыла страх перед угрозой наказания, на что указывает наличие в их воспоминаниях упоминаний о строжайшей дисциплине¹⁶. В связи с ее укреплением число беглецов с военных заводов Новосибирска уменьшилось с 20,0 тыс. в 1943 г. до 10,2 тыс. в 1944 г.¹⁷ Но полному решению этой проблемы препятствовали негативные факторы, связанные с тяжелыми условиями труда и быта рабочих. В конце 1944 г. ПВС СССР объявил амнистию дезертирам, вернувшимся на прежнее место работы¹⁸. За 1941–1945 гг. народные суды и трибуналы вынесли 7,5 млн приговоров по делам о прогулах и самовольных уходах с предприятий. К ИТР и штрафам были приговорены 5,53 млн чел. (73,7 %), к лишению свободы – 1,97 млн чел. (26,3%)¹⁹. После победы над нацистской Германией власти освободили от отбывания наказания всех лиц, осужденных за труддезертирство. Эта амнистия вызвала как ослабление репрессивных установок, так и скрытый протест рабочих против своего мобилизационного статуса («Хватит, поработали честно, а сейчас работать незачем»²⁰).

Закрепление кадров в военпроме: социально-потребительская мотивация. Данный кейс формировался под влиянием социальной политики как одного из элементов модернизирующегося общества. В конце XIX – начале XX в. в странах Европы и России происходило становление сферы социального обеспечения населения. В частности, владельцы крупных фабрик строили жилые казармы, больницы, ясли и детсады, школы и профучилища, выплачивали пособия по болезни, инвалидности и старости. После 1917 г. эти тенденции получили распространение в Советской России и СССР. Так, Конституция 1936 г. гарантировала рабочим и служащим всеобщее государственное страхование, бесплатную медицинскую помощь, восьмилетнее образование, содержание малолетних детей в дошкольных учреждениях²¹. К 1941 г. отечественные предприятия превратились в центры по комплексному жизнеобеспечению трудовых коллективов. Упомянутый фактор способствовал выработке у персонала основ социально-потребительской мотивации к занятости, выступавшей как запрос на улучшение качества жизни по месту работы.

В годы Великой Отечественной войны на оборонных заводах также создавалась своя социальная инфраструктура. По постановлению СНК СССР от 13 сентября 1941 г. для размещения рабочей силы в тылу строилось жилье упрощенного типа²². В первой половине 1940-х гг. только

¹³ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2005. С. 401.

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 39 об.

¹⁵ Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 302–303.

¹⁶ Обожгла наше детство война. Сб. воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 32.

¹⁷ Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 322.

¹⁸ Указ ПВС СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июль 1956 г. М., 1956. С. 406.

¹⁹ Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2 (79). С. 32.

²⁰ ГАО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 57.

²¹ Конституция СССР 5 декабря 1936 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.09.2022).

²² Постановление Совнаркома СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Новосибирск, 1968. Т. 3. С. 34.

в Новосибирске, Омске и городах Алтайского края было возведено 475 тыс. кв.м жилплощади²³. Большую часть нового жилфонда составляли бараки и землянки. Например, в 1943 г. на комбинате № 179 их удельный вес превышал 90 %. К 1 января 1945 г. на предприятии благодаря коммунальному благоустройству доля домов с электроосвещением достигла 59,2 %, центральным отоплением – 49,3 %, водопроводом – 41,3 %, канализацией – 35,7 %²⁴. Затраты на койко-место по отношению к реальной средней зарплате сибметаллстроевцев равнялись 7,3 %²⁵. В обустроенных квартирах проживали руководители производства, кадровые специалисты и рабочие, «знатные» стахановцы и их семьи. Основная масса тружеников размещалась в общежитиях с суровым барачным бытом. На одного жильца приходилось не более 4 кв.м жилплощади²⁶. Для обслуживания жителей заводских кварталов открывались мастерские по пошиву и ремонту одежды, обуви, изготовлению мебели, парикмахерские. Из-за ограниченности ресурсов бытовые предприятия не могли предоставить услуги всем потребителям. В целом дефицит жилья и товаров повседневного спроса резко снижал закрепляемость работников в военном производстве. Огромные социальные издержки частично компенсировались небольшой платой за служебные койко-места, что имело большое значение для выживания трудмобилизованного населения.

Отраслевые ведомства и дирекции предприятий уделяли внимание также вопросам охраны здоровья трудящихся. 12 сентября 1942 г. приказом по Наркомату боеприпасов СССР в Новосибирске была учреждена поликлиника для медобслуживания персонала комбината № 179²⁷. «Оборонщики» получали лечение и прививки от эпидемических заболеваний по месту работы за государственный счет²⁸. Государство играло решающую роль и в определении малолетних детей работников в дошкольные учреждения. Летом 1942 г. на заводе № 617 открылся детсад на 150 мест²⁹. Расходы на содержание детей в этом детском саду покрывали госбюджет (56,3 %) и родители (43,7 %). В 1944 г. доля затрат на детсад в реальной средней зарплате рабочих составляла 16,45 %. В это время садик посещали от 90 до 130 дошкольников. Недоукомплектованность садика воспитанниками была вызвана не столько стоимостью услуг, сколько его удаленным расположением от предприятия³⁰. По сравнению со сферой жилищно-бытового обеспечения медицинские и дошкольные учреждения оказывали значительно меньшее влияние на процесс укрепления заводских коллективов.

Важной стороной государственной социальной политики являлась попытка создания условий для обучения занятых подростков. 15 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление об образовании школ рабочей молодежи (ШРМ)³¹. К началу 1943/44 учебного года в целом по Сибири были открыты 132 ШРМ с контингентом 16,9 тыс. учащихся³². На ведущих предприятиях региона в учебные заведения поступило менее трети юных тружеников. Например, в ШРМ комбината № 179 пошли учиться 28,5 % работников до 18 лет³³. Из-за интенсивной трудовой занятости многие учащиеся прекращали посещать занятия до конца учебного года. Так, к весне 1945 г. в Омске ШРМ смогли закончить 5 % юных рабочих³⁴. Отсутствие для большинства из них образовательных возможностей усиливало текучесть молодых кадров из военпрома. В совокупности условия военного времени нивелировали формирование в среде оборонщиков социально-потребительской установки к занятости в промышленности. Этот негативный фактор обуславливал постоянную нестабильность состава заводских коллективов в глубоком тылу.

²³ Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 174.

²⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12.

²⁵ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Д. 200. Л. 13.

²⁶ Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь... С. 310.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 3. Л. 92; Д. 4. Л. 38; Д. 8. Л. 49; Д. 14. Л. 72.

²⁹ Там же. Д. 10. Л. 77.

³⁰ Там же. Д. 18. Л. 52, 53.

³¹ Постановление СНК СССР от 15 июля 1943 г. «Об обучении подростков, работающих на предприятиях».

³² История рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1984. Т. 3. С. 143.

³³ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 764. Л. 73.

³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 6. Д. 286. Л. 27.

Повышение производительности труда: монетарная мотивация. Зарождение данного кейса было связано с развитием товарно-денежных отношений в контексте становления западноевропейского капитализма. Его ментальным ядром являлась протестантская максималистская этика, поставившая во главу угла накопление прибыли. К концу XIX в. на Западе и в России сложилась современная модель экономического роста, ориентированная на повышение производительности труда за счет тарификации, сдельной, прогрессивной и премиальной систем его оплаты. К 1917 г. в отечественной индустрии появилась узкая прослойка высокооплачиваемой рабочей «аристократии», стремившейся к материальному достатку. Более массовые слои низкооплачиваемых пролетариев зарабатывали деньги для пропитания, сохраняя традиционную минималистскую этику. Пришедшие к власти большевики продолжали стимулировать рост выработки с помощью денежных стимулов, отдавая приоритет ударникам и стахановцам. Но из-за отсутствия ощутимого роста реальных доходов горожан социально-трудовая ситуация кардинально не менялась. В 1907–1913 гг. рабочая семья расходовала на питание в среднем от 45,5 до 57,3 % бюджета, в 1940 г. – 55,3 %³⁵. К 1941 г. в индустриальных группах населения СССР произошла консервация квазимонетарной мотивации, релевантной потребителю минимализму. Возможности ее эволюции в сторону накопительской этики внутри стахановской элиты минимизировались низким уровнем жизни.

В первые месяцы Великой Отечественной войны на предприятиях, эвакуированных в тыловые районы страны, началось восстановление механизмов денежного стимулирования³⁶. В начале 1942 г. на оборонных заводах Сибири были введены семиразрядные (с соотношением 1:3,3) и восьмиразрядные (с соотношением 1:3,2 и 1:3,6) тарифные сетки образца 1939–1940 гг. При переходе рабочего на следующий разряд ставка повышалась на 20 %, с холодных на горячие, вредные или тяжелые работы – на 15–20 %, с повременной на сдельную оплату – на 20–30 %. Повременщики за добросовестное выполнение служебных обязанностей получали премии в размере от 10 до 50 % месячного оклада³⁷. Сдельщикам за перевыполнение опытных норм от 1 до 20 % зарплата начислялась по полторакратным расценкам, более 20 % – двукратным; за перевыполнение расчетных норм от 1 до 10 % – двукратным, свыше 10 % – четырехкратным расценкам³⁸. Директора военных заводов широко практиковали перечисленные формы материального поощрения, делая особый акцент на увеличении стахановских заработков.

Данные факторы обеспечили повышение номинальных доходов работников военпрома Сибири на фоне опережающего подъема производительности труда. В 1942–1944 гг. в Новосибирске среднемесячная стоимость продукции, выпущенной одним авиастроителем, увеличилась с 1742 до 3642 руб. (на 109,1 %), боеприпасником – с 2630 до 4406 руб. (на 67,5 %). В то же время заработок рабочих авиапрома вырос с 665 до 788 руб. (на 18,5 %), промышленности боеприпасов – с 572 до 686 руб. (на 19,9 %)³⁹. Однако монетарный рост оказался под давлением пертурбационных условий военного лихолетья. В 1940–1944 гг. зарплата персонала завода им. В.П. Чкалова возросла на 82,0 %, а с учетом возросшего фискального пресса – на 44,6 %. На фоне высокой инфляции реальная заработная плата вовсе ушла в минус. В сентябре 1941 г. новосибирские «оборонщики» на средний трудовой доход могли купить на базаре от 150 до 190 кг картофеля, в апреле 1943 г. – 12,6, в апреле 1945 г. – 46,7 кг⁴⁰. Падение покупательной способности денег означало предельное снижение их роли в стимулировании производительного труда.

³⁵ Бюджетные расходы рабочих России в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/59> (дата обращения: 01.09.2022); Бюджеты рабочих, инженерно-технических работников, колхозников и служащих. М., 1957. С. 40.

³⁶ В период эвакуации рабочие и служащие получали пособия в размере средней зарплаты за последние три месяца работы на предприятии. После ввода эвакуированных заводов в строй их директора с подачи отраслевых наркоматов издавали приказы о восстановлении довоенных тарифных ставок оплаты труда.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43–44.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 1. Д. 230. Л. 283–284.

³⁹ Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири... С. 415–416.

⁴⁰ Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь... С. 303.

Вместе с тем денежные средства не потеряли полностью своего мотивирующего значения. С 1942 по 1944 г. среднемесячные доходы рабочей семьи в Новосибирске и Кузбассе увеличились с 691 до 1055 руб., расходы – с 669 до 1028 руб.⁴¹ К концу войны ее суммарные затраты на приобретение продовольственных товаров составляли 59,6 % всего бюджета. Юные заводчане-одиночки находились в схожем материальном положении. В июле 1944 г. в Красноярске работница завода № 703 Чупина заработала 362 руб., из которых 112 руб. «съели» налоги и госзаймы. Оставшиеся 250 руб. она потратила на питание в столовой (100 руб.), покупку продуктов на рынке (110 руб.), проживание в общежитии (40 руб.)⁴². Всего на продуктовую «корзину» девушка израсходовала 58 % личного бюджета. Как для семейных работников, так и рабочей молодежи главным мотивом зарабатывания денег являлось желание выжить физически. В данном случае тыловая повседневность усилила воспроизводство среди различных групп производственников квазимонетарной мотивации к труду.

Повышение производительности труда: витальная мотивация. Формирование данного кейса обуславливалось спецификой ведения домохозяйств в традиционном обществе. Его ментальной основой выступала православная минималистская этика, ориентированная на выживание. В связи с этим крестьяне отдавали предпочтение натуральным стимулам хозяйственной деятельности. Так, глава семьи делил пищу между ее членами с учетом выполненной ими работы. Взявшие власть большевики перенесли принцип распределения по труду в советские конституции 1918 и 1936 г. («кто не работает, тот не ест»⁴³). На основе созданной правовой базы в городах РСФСР (1918–1922 гг.) и СССР (1929–1935 гг.) вводилась карточная система снабжения в зависимости от характера занятости населения. Приоритет в нем отдавался «знатным» ударникам и стахановцам, получавшим сверх прожиточного минимума продовольственные и промтоварные премии. Поскольку карточки отоваривались за деньги, в промышленности сложилась бинарная система материального стимулирования. Ее наличие консервировало рудименты витальной мотивации в сознании индустриальных работников, ориентированных на потребительский минимализм.

В начале Великой Отечественной войны сфера нормированного «сервиса» вступила в новый этап развития (1941–1947 гг.). С 1 сентября 1941 г. рабочие оборонных заводов стали получать 800 г хлеба в день, 600 г сахара и кондитерских изделий в месяц⁴⁴. С 1 ноября они ежемесячно могли рассчитывать на 2 200 г мяса или рыбы, 600 г жиров, 1 500 г крупы и макарон. Для персонала «горячих» и «вредных» цехов эти нормы увеличивались до 3 200–4 500 г мяса, 900–1 000 г жиров, 2 000–3 000 г крупы и макарон⁴⁵. Пайки оборонщиков существенно превышали нормативы потребления работников других отраслей, служащих и иждивенцев. Иерархия снабжения по социально-производственному принципу мотивировала неработающее население к поступлению в военное производство.

Тем не менее учреждения общепита не удовлетворяли нормальные потребности трудящихся в пище. В 1942 г. в столовых Новосибирска калорийность одноразового питания с хлебом составляла 1935 ккал⁴⁶. Партийные функционеры фиксировали в рабочей среде

⁴¹ Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 106.

⁴² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75.

⁴³ Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 01.09.2022); Конституция СССР 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.09.2022).

⁴⁴ Постановление СНК СССР от 20 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа». [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/408175/images> (дата обращения: 01.09.2022).

⁴⁵ Постановление СНК СССР от 19 октября 1941 г. «О введении карточек в гг. Горьком, Свердловске, Молотове, Челябинске, Омске, Уфе, Казани, Куйбышеве, Чкалове, Новосибирске, Архангельске, Иваново, Ярославле, Кирове, Ижевске, Пензе, Саратове, Сталинграде, Вологде и Воронеже». [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/408251/images> (дата обращения: 01.09.2022).

⁴⁶ Подсчитано по: Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

запрос на усиление натуральных стимулов: «Я дам и 500 % нормы после улучшения питания в столовой. А то приходится за 15–18 часов есть один раз»⁴⁷. Первоначальным ответом на недоедание заводского персонала стала выдача передовикам вторых обедов и 100–200 г хлеба сверх пайка. В октябре 1942 г. для добросовестных работников СНК СССР установил первоочередную продажу промтоваров, дополнительное горячее меню, отпуск продовольствия из подсобных хозяйств предприятий⁴⁸. С 1943 г. в сибирском авиапроме «стахановцы военного времени» премировались талонами на продукты и вещи стоимостью 35–50 руб., «лучшие рабочие по профессии» – 100–150 руб., «гвардейцы тыла» – 200 руб.⁴⁹ Неравенство в снабжении было нацелено прежде всего на поощрение стахановской элиты.

Подсобные хозяйства оборонных предприятий позволили многим учреждениям общепита организовать двухразовое питание. В 1943 г. в столовых Новосибирска калорийность одного обеда с хлебом достигла 1938 ккал, в 1944 г. – 1840 ккал, двух – 2276 и 2280 ккал. Рацион стахановцев вырос до 2480–2680 ккал в 1943 г. и 2920–3020 ккал в 1944 г.⁵⁰ Эти тенденции побуждали рабочих рассматривать интенсивный труд как один из источников физического выживания. Так, воспоминания ветеранов сибирского военпрома содержат информацию о том, как стахановские талоны спасали станочников от голода⁵¹. Бытовые лишения военного времени активизировали воспроизводство среди оборонщиков рудиментов витальной мотивации, которые в сочетании с квазимонетарными установками являлись одним из факторов роста выработки на военных заводах в 1941–1945 гг.

Повышение производительности труда: героическая мотивация. Данный кейс зародился на основе античного мифа о Прометее, принесшего себя в жертву ради прогрессивного развития человечества. В середине XIX в. эта легенда сыграла роль одного из источников обоснования коммунистической идеологии. Ее ментальным фундаментом послужила прометеевская версия максималистской этики, нацеленная на освобождение пролетариев от буржуазной эксплуатации. Октябрьский переворот 1917 г. создал предпосылки для «развертывания» революционного мифотворчества в процесс построения социализма. Дух социалистического максимализма нашел практическое воплощение в ударничестве и стахановском движении. Советская пропаганда характеризовала борьбу за производительный труд как битву, а ее участников – как бойцов хозяйственного фронта. Для морального поощрения ударников и стахановцев использовались почетные звания, лозунги, плакаты, доски почета, ордена, медали, переходящие красные знамена и т.п. К 1941 г. трансляция культа трудовой славы привела к становлению на предприятиях СССР небольшого слоя новой рабочей «аристократии» с героической мотивацией к перевыполнению норм выработки.

С началом Великой Отечественной войны ведущей формой индустриальной героики стало движение двухсотников (июль 1941 – март 1942 г.). Данный почин распространялся с помощью печати, обращений передовиков к рабочему классу, стахановских слетов, сталинских вахт, дней героического труда, наглядной агитации. С 1 августа по 1 декабря 1941 г. на заводе им. В.П. Чкалова число двухсотников увеличилось со 147 до 1087, а их доля в персонале – с 5,1 до 6,5 %⁵². Слабый отклик «чкаловцев» на пропаганду трудового героизма обусловливался неудовлетворительной организацией производства, подготовки кадров, агитационной работы и материально-бытового снабжения заводского коллектива. К весне 1942 г. аналогичная ситуация сложилась на большинстве оборонных предприятий, эвакуированных в сибирские города.

Необходимость подъема производительности труда обусловила переход двухсотничества в движение тысячников (март-июнь 1942 г.). Эта инициатива развивалась за счет прессы, обращений «знатных» стахановцев к трудящимся, лозунгов, восхвалявших новато-

⁴⁷ Цит. по: *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири... С. 365–366.

⁴⁸ Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий»... С. 302–303.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 187. Л. 2.

⁵⁰ Подсчитано по: *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности... С. 93.

⁵¹ Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал: сб. док-тов. Томск, 2003. С. 294.

⁵² ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1106. Л. 185.

ров производства, публичного вручения им правительственных наград. В середине 1942 г. в Новосибирске насчитывалось около тысячи передовиков, выработавших по десять и более норм⁵³. В дальнейшем на производстве наметилась тенденция к затуханию тысячных рекордов, которые не могли разрешить комплекс проблем, затруднявших развертывание выпуска вооружения и боеприпасов.

Решение данной задачи осуществлялось в рамках всесоюзного соревнования отраслей и предприятий военпрома (с мая 1942 г.). В его русле трудовой героизм нашел отражение в движениях двадцатников⁵⁴, многостаночников, лучших рабочих по профессии. Эти почины стимулировались газетной периодикой, перепиской тыловиков с фронтовиками, проведением фронтовых вахт, публичными клятвами бойцами трудового фронта, введением иерархии стахановских званий, установкой досок почета и фотогалерей передовиков, вручением заводам-победителям красных знамен ГКО и ЦК ВКП(б). Решающий вклад в рост выработки вносили комсомольско-молодежные бригады, соревновавшиеся за звания «фронтовых» и «гвардейских». В конце 1942 г. среди рабочей молодежи промышленности Новосибирской области доля стахановцев и ударников составляла 18,9 %, в середине 1944 г. – не менее 60,0 %⁵⁵. Позднее ветераны сибирской оборонки в воспоминаниях неоднократно отмечали прямую связь между моральными стимулами и интенсификацией труда в тылу⁵⁶. В целом культ массового патриотизма сформировал и усилил среди оборонщиков героическую мотивацию к перевыполнению военно-хозяйственных планов. Указанный фактор повышения выработки приобрел ключевое значение в связи с разрешением производственных и кадровых проблем, активизацией патриотической пропаганды и увеличения неравенства в рабочем снабжении.

Выводы. В годы Великой Отечественной войны «сквозные» социально-трудовые кейсы мировой истории, встроенные большевистской партией в Советский проект в 1917–1941 гг. через сферу индустриальной занятости, сыграли роль важнейших источников экономической победы СССР над нацистской Германией. Они обуславливались социокультурной многоликостью советских людей в рабочих спецовках, мобилизованных органами власти в тыловой военпром. Будучи маргинальным субъектом переходного общества, основная масса работников ведущих отраслей военного хозяйства выступала носителем моральных императивов трудового поведения, укорененных в архетипе, традиции и модерне. В процессе формирования мотивации труда в новых группах рабочего класса архетипные и традиционалистские элементы явно превалировали над модерновыми. С одной стороны, упрочение заводской дисциплины произошло преимущественно в результате психологического воздействия на «оборонщиков» репрессивного трудового законодательства, являвшегося в эпоху Новейшего времени очевидным социальным атавизмом. С другой стороны, рост производительности стахановцев военного времени выступал следствием их глубинных ментальных ориентиров на выживание и победу над врагом, активированных в сознании производственников материальными и духовными факторами экстремальной повседневности тыла. Таким образом, социокультурная специфика «бойцов тыла», ставших в 1941–1945 гг. главным олицетворением многоликости советскости, определялась, прежде всего, тенденциями к усилению внутренней архаичности «нового» человека, сформированного в СССР к концу 1930-х гг. В то же время не стоит забывать, что данный феномен сосуществовал параллельно с адаптацией советского общества к инструментальным элементам индустриальной модернизации (монетарные и социальные стимулы).

⁵³ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 709. Л. 94.

⁵⁴ Двадцатники – рабочие, выполнявшие месячный план за 20 дней.

⁵⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

⁵⁶ Долга на земле не имею. Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 93–94.

Литература

Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. 111 с.

Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 104–129.

Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.

Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2 (79). С. 104–114.

История рабочего класса Сибири / под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1984. Т. 3. 376 с.

Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Оборона: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 525 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Папков С.А. Судебно-карательная система СССР в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 12-2. С. 178–188.

Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. М.Р. Акулова. М.: Мысль, 1970. 364 с.

Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Институт истории, 2005. 449 с.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 175 с.

Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. 204 с.

Tilly Ch., Tilly K. *Work under capitalism*. Oxford: Westview Press, 1998. 326 p.

References

Akulov, M.R. (1970). *Podvig zemli bogatyrskoy: Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Feat of the Land of the Heroic: Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moskva, Mysl'. 364 p.

Bukin, S.S. (2001). *Zavod "Iskra" v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Istoricheskiy ocherk i vospominaniya veteranov* [The Iskra Plant during the Great Patriotic War. Historical Essay and Memoirs of Veterans]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 111 p.

Bukin, S.S. (2004). *Byudzhety rabochikh semey Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Budgets of Working Families of Siberia during the Great Patriotic War]. In *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie Sibiri v XX stoletii*. Novosibirsk. Vol. 3, pp. 104–129.

Bukin, S.S., Romanov, R.E. (2012). *Rabochaya molodezh' predpriyatiy oboronnoy kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Working Youth of Siberian Defense Industry Enterprises (1941–1945)]. Novosibirsk, Parallel'. 430 p.

Knyshevskii, P.N. (1994). *Gosudarstvennyy Komitet Oborony: metody mobilizatsii trudovykh resursov* [State Defense Committee: Methods of Labor Resource Mobilization]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 53–65.

Mitrofanova, A.V. (1971). *Rabochiy klass SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Working Class of the USSR during the Great Patriotic War]. Moskva, Nauka. 525 p.

Okladnikov, A.P. (1984). *Istoriya rabocheho klassa Sibiri* [The History of the Working Class of Siberia]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 376 p.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moskva, ROSSPEN. 440 p.

Papkov, S.A. (2021). Sudebno-karatel'naya sistema SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny [The Judicial and Punitive System of the USSR during the Second World War]. In *Voprosy istorii*. No. 12-2, pp. 178–188.

Savitskiy, I.M. (2005). *Vazhneyshiy arsenal Sibiri: razvitie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Siberia's Most Important Arsenal: The Development of the Novosibirsk Region Defense Industry during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 449 p.

Shumilov, V.N. (2000). *Sozdanie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti (1941–1945)* [Creation of the Defense Industry of the Novosibirsk Region (1941–1945)]. Novosibirsk. 204 p.

Sokolov, A.K. (2003). Prinuzhdenie k trudu v sovetskoj promyshlennosti i ego krizis (konets 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [Forced Labor in Soviet Industry and Its Crisis (late 1930s – mid-1950s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. Moskva, ROSSPEN, pp. 74–99.

Somov, V.A. (2015). *Pervoe sovetskoe pokolenie: ispytanie voynoy* [The First Soviet Generation: The Test of War]. Moskva, AIRO-XXI. 175 p.

Tilly, Ch., Tilly, K. (1998). *Work under capitalism*. Oxford, Westview Press. 326 p.

Zemskov, V.N. (2014). Organizatsiya rabochey sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody voyny s fashistskoj Germaniej [The Organization of the Labor Force and the Tightening of Labor Legislation during the War with Nazi Germany]. In *Politicheskoe prosveshchenie*. No. 2, pp. 104–114.